

Мамытов Т.Б.

**ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТЕЙ,
ПРИЧАСТНЫХ К ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ, ЭКСТРЕМИСТСКИМ И
РЕЛИГИОЗНО-ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ**

T.B. Mamytov

**THE SPECIFIC CHARACTERISTICS OF INDIVIDUALS
INVOLVED IN TERRORIST, RELIGIOUS EXTREMIST AND
FUNDAMENTALIST ORGANIZATIONS**

УДК: 342.731 (075.2)

В статье рассматриваются личности и их характеристика, которые причастны к террористическим, экстремистским и религиозно-фундаменталистским организациям.

Ключевые слова: *религия, терроризм, экстремизм, религиозный фундаментализм, личность.*

The article discusses the person and their characteristics that are involved in terrorist, extremist and religious fundamentalist organizations.

Key words: *religion, terrorism, extremism, religious fundamentalism, personality.*

В анналах терроризма глобальный салафитский джихад явление новое. В нем сочетаются фанатизм с терроризмом ради создания халифата. Этот фанатизм подразумевает готовность человека умереть и убивать во имя своего дела. Прославление понятия шахида является неотъемлемым аспектом данной новой формы глобального терроризма и может быть понято лишь в своем религиозном контексте. Новые глобальные моджахеды - салафиты настолько сильно отличаются от других террористов, что необходимо тщательное изучение их особых черт, моделей их вступления в джихад и поведения.

Рассмотрим чем отличаются глобальные салафитские моджахеды от других? На первый взгляд все они – мусульмане, воспринявшие салафитское толкование ислама. Отсюда сильный соблазн возложить вину за данный вид терроризма на ислам или его салафитский толк. Но это было бы неправильно, так как эта общая черта заложена в самой критерии отбора, а потому ее ценность невелика. Поиск общих черт, объясняющих, почему индивиды вступают на путь глобального терроризма, можно подразделить на три основных подхода. Первый – это мнение о том, что у террористов общее социальное происхождение. Второй предполагает, что террористы относятся к схожему психологическому типу. Третий подход основывается на идее о том, что некоторые люди становятся террористами, поскольку на момент вербовки они находились в определенной ситуации.

С точки зрения выявления общих черт неизбежной трудностью при изучении терроризма является то, что можно назвать фундаментальной проблемой специфичности. Хотя множество людей обладают многими из упомянутых выше индивидуальных черт или подвергаются воздействию одних и тех же социальных факторов, очень немногие из них становятся террористами. Невозможность использовать оп-

ределенные факторы, по отдельности или в их сочетаниях, для того, чтобы отличить будущего моджахеда от немоджахеда, ограничивает желание выступать с заявлениями относительно характерных черт террористов.

Если сосредоточить внимание на происхождении моджахеда, то это даст нам возможность подвергнуть эмпирической проверке популярные объяснения явления глобального терроризма, экстремизма и религиозного фундаментализма акцентирующие социальные причины. Широко распространенным стереотипом является мнение о том, что террористической и экстремистской деятельностью занимаются бедные, находящиеся в отчаянном положении, наивные и одинокие молодые люди из стран «Третьего мира», уязвимые перед «обработкой и промыванием мозгов» и вербовкой в террористические движения. Эта формула подразумевает, что с географической точки зрения моджахеды должны происходить не просто из «Третьего мира», но из его беднейших стран. Она также подразумевает, что они происходят из самых нижних социально-экономических слоев. Такая их черта как наивность и уязвимость подразумевает, что либо их «обрабатывают» и им «промывают мозги» в раннем возрасте, прививая ненависть к Западу, либо они относительно необразованны и подаются подобной «промывке мозгов» в начале своей взрослой жизни. То есть выходит, что они по своим взглядам сравнительно примитивны и провинциальны. И широкое ознакомление с миром может защитить их от этого предполагаемого «обрабатывания» и «промывания мозгов», которые, якобы, привели к их превращению в террористов, экстремистов и фундаменталистов. Что касается тезиса об их отчаянном положении, то он подразумевает, что либо у них нет возможностей найти себе занятие, либо они крайне ограничены. Они одиноки, ибо любая сильная семейная ответственность может помешать им полностью посвятить себя делу джихада, требующему от них наивысшей жертвенности.

Личность террориста, экстремиста и религиозного фундаменталиста всегда привлекала к себе внимание исследователей. Считалось, что стоит изучить это сложно организованное целое, как все станет понятным в психологии террориста и проблема борьбы с ними получит надежную научную базу. Однако именно это оказалось самой сложной задачей, над решением которой до сих пор бьются террологи. Члены экстремистских и террористических групп рекрутируются из всех слоев общества и про-

фессий, представляют самые разнообразные культуры и национальности, придерживаются различных религиозных и идеологических убеждений.

Пытаться установить единый психологический и интеллектуальный прототип экстремиста – безнадежная задача. Террористов квалифицировали как идеалистов и как шизофреников, как фанатиков догмы и как садистов, как людей ущербных, закомплексованных, самоутверждающихся, пожираемых личными амбициями и властолюбием либо отчаянием и жадой уничтожения, как людей морально глухих и как мучеников высшего морального императива, как преступников и как героев.

Террористическое движение имеет в своих рядах в равной мере альтруистических идеалистов и безнравственных богохульников, прожектеров и негодяев, умеренных и экстремистов, сторонников авторитарной власти и противников устоявшейся власти. Богатые и бедные, оказываются рекрутированными в экстремистские и террористические организации, образованные и неграмотные, те, кто побуждается, а также кто имеет личные амбиции, а также и те, кто вооружен идеологическими мотивами.

Многие серьезные социологические и психологические исследования убеждают, что террористы, экстремисты и религиозные фундаменталисты обладают определенным типом личности.

Решение совершить террористический акт представляет собой комплекс нескольких решений личности: о цели, объекте, средствах, времени и месте акта, о побочных обстоятельствах, способных содействовать или воспрепятствовать задуманному. Применительно к каждому такому вопросу из множества вариантов поведения террорист должен выбрать оптимальный, с его точки зрения, вариант. Такой выбор связан с личностными свойствами, к которым обычно относятся направленность личности, ее мировоззрение, опыт, установки, ценности и ценностные ориентации, внутренняя система нравственного и социального контроля. Связан выбор и с оценкой внешней среды, оценкой наличной и предвидением будущей ситуации, в которой будет осуществляться террористический акт, а также представлениями об отношении к действию и его результатам со стороны микросреды или общества в целом, в том числе и в связи с существующими социальными, нравственными, правовыми нормами поведения.

Для многих террористов характерна тенденция к экстернализации, поиску вонне источников своих проблем, сверхсосредоточенность на защите собственного «Я» [1, с. 11] путем проекции, постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и невнимание к чувствам других.

Большая часть террористов – это люди, обделенные в детстве материнским вниманием, у них часто встречаются недостаточное развитие, детский травматизм, какие-то врожденные заболевания, у некоторых – ярко выраженные дефекты личности. Среди них немало лиц, которые в детстве или в молодости подвергались унижениям, не могли самоутвердиться, реализовать свои идеи. Это вызывает неудовлетворен-

ность и желание самоутвердиться любым способом, отомстить за свои реальные и мнимые обиды не только своим обидчикам, но и всему обществу, недооценившему их. Но среди террористов немало и абсолютно адекватных людей. Есть и такие, которые «больны» сверхидеями и осознанно идут на совершение террористического акта, прекрасно осознавая все его последствия для себя [2, с. 12].

Существуют среди террористов и люди, ущемленные в правах, иногда незаконно, по их мнению, осужденные, и для них экстремизм и терроризм становится мстительной системой.

Криминологи относят терроризм к так называемым неличностным преступлениям, так как посягательство на чужую жизнь в данном случае происходит не из-за ненависти к конкретному человеку, а в связи с тем, что он представляет какую-то демонизируемую социальную группу или исполняет определенную социальную роль. Исследования показывают, что для убийц, в том числе для экстремистов и террористов, характерны такие психологические особенности, как подозрительность, злопамятность, отчужденность, мстительность, эмоциональная холодность, отсутствие эмпатии. Некоторым из них свойственны высокая уязвимость, ранимость, болезненная восприимчивость в области межличностных отношений. Важную мотивационную роль в совершении насильственных преступлений играют такие личностные особенности их субъектов, как импульсивность, предвзятость оценок, раздражительность, возбудимость, отсутствие должного самоконтроля.

Российский ученый С.К. Рошин [3] в своей работе «Психология террористов и серийных убийц» предложил «три психологические модели личности террориста». Первая – психопат-фанатик. Сфера его сознания крайне сужена усвоенными доктринами, им же подчинена и эмоциональная сфера. Поэтому он может совершить все что угодно, искренне считая, что его действия полезны для общества, независимо от конкретных результатов.

Вторая модель – фрустрированный человек – базируется на бихевиористской теории фрустрации-агрессии, согласно которой блокирование жизненно значимых для человека потребностей порождает у него тенденцию к агрессивным действиям. Сознание в этом случае рационализирует и оправдывает такие действия.

Третья модель – человек из ущербной семьи. Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию озлобленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментами террористической организации. Как показала история, такой человек может оказаться не только инструментом, но и организатором террористического режима.

Другой российский исследователь С. Ениколов [4, с. 71-73] в своем труде «Психологические последствия терроризма» считает, что, «несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, говорить о существовании еди-

ного личностного террористического комплекса нет оснований». Тем не менее, он выделяет два относительно явных психологических типа, часто встречающихся среди террористов. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые – не уверены в себе, неудачники со слабым «Я» и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое «Я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм. Для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, к поиску источников своих личных проблем вовне. Они проецируют низкооцениваемые составляющие своего «Я» на истеблишмент, который воспринимается как источник угрозы».

Вместе с тем личностные особенности террориста не могут не быть взаимосвязаны с конкретным видом террористической деятельности. Нельзя объединить в одну типологическую группу, например, партизан и революционных радикалов, религиозных фанатиков и вымогателей из преступных организаций.

Анализ материалов оперативной и следственной практики, показывает, что обобщенной характеристикой личности террористов, экстремистов и фундаменталистов является «принципиальная десоциализированность». Если обычный преступник десоциализирован в обществе, то тюрьма ему – «дом родной» или даже что-то вроде «университета» преступной жизни. Террорист десоциализирован везде, он чужой и среди заключенных.

Причина этого кроется в раздробленной психосоциальной идентичности. Психосоциальная идентичность – ощущение человеком значимости своего бытия для общества. Вступлению индивида в террористическую организацию также предшествует ряд неудачных попыток формирования идентичности. Многие террористы происходят из семей с сильными ориентациями на продвижение. Когда индивид испытывает трудности самоопределения и позитивная идентичность не удается, он предпочитает быть «плохим», нежели «никаким». Если негативная идентичность признается обществом как окончательная, индивид смиряется с самым худшим, что ожидает от него общество. Негативная идентичность определяется как принятие идентификации и ролей, наиболее нежелательных и опасных для общества, но наиболее реальных. Одновременно отвергаются наиболее желанные и приемлемые для семей роли.

Субъективно раздробленная психосоциальная идентичность переживается как чувство одиночества. Чувство одиночества актуализирует потребность в аффилиации – принадлежности к группе, так как связь с группой – это единственное, что дает индивиду возможность почувствовать себя достаточно целостной личностью. В коллективах молодые люди

находят не только идентичность, но и объяснение своих трудностей и надежды на будущее. Этот мотив носит личностный характер и коренится в особенностях социализации субъекта. Для молодых людей, которые составляют подавляющее большинство экстремистов и террористов, вступление в группу дает возможность преодолеть отчуждение и фрустрацию. Для этих одиноких, отчужденных индивидов, не сумевших найти своего места в обществе, террористическая группа становится семьей, которой у них никогда не было.

«Вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям – он принадлежит только Аллаху и своей организации», – говорится в одной из памяток для боевиков исламской террористической организации «Хамас» [5, с. 33]. Естественно, что все личные мнения, идеи, мысли, соображения человека, вступившего в такую организацию, достаточно быстро отходят далеко на задний план. Вот зачем нужна строжайшая дисциплина – прежде всего для того, чтобы не было дурной самодеятельности. Отдавая себя организации, человек отдает и свое сознание целиком во власть идеям организации или еще более высоким идеям надорганизационного уровня.

Изложенное позволяет сделать вывод, что недостаточно сформированная или раздробленная социально-психологическая идентичность, проявляющаяся на субъективном уровне в чувстве одиночества, неполноценности, незащищенности, побуждает индивидов искать психологическое убежище в сплоченных экстремистских группах, ставящих для себя грандиозные цели изменения несовершенного мира. Принадлежность к такой общности позволяет трансформировать чувство слабости и неполноценности в ощущение силы и значимости.

Абсолютную социальную деструктивность терроризма, которая проявляется, в частности, в том, что малая гомогенная (этнически, социально, религиозно и т. п.) группа навязывает свою волю гетерогенному сообществу, которое отличается плюрализмом в постановке и осуществлении своих целей. Такое поведение обусловлено завышенной самооценкой террористами своей гомогенности, они считают себя «самыми-самыми» и поэтому делают то, что никто другой не посмеет.

Литература:

1. Post J. Its us against Thew: The group dynamics of the political terrorism. - N.4. - 1987. - P.11.
2. Линдер Н.Б., Нечипоренко О.М., Титков С.Л. По ту сторону зеркала. - М., 1996. - С. 12.
3. Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. - Минск, 2004.
4. Ениколопов С.Н. Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии. - 2008. - № 3. - С. 71-73.
5. Эрикссон Э. Идентичность и жизненный цикл. 1953. - С. 33.